

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 13, Is. 1, pp. 5-18, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.13.5
www.ejournal15.com

Relevant topic

UDC 94(571+574)

From the History of Interaction of Provisional Siberian Government and Alash-Orda

Dina A. Amanzholova

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
19, Dmitriya Ulyanova st., Moscow, 17036
Dr. (History), Professor, Senior Fellow
E-mail: amanzholova19@mail.ru

Abstract

The paper highlights the main trends and analyzes the problems of interaction autonomist forces – Siberian oblastnichestvo and the Kazakh Alash movement - during their political organization and confrontation of participants of the Civil War in large neighboring regions. This allows to identify some of the important aspects of testing different projects federalization of Russia in the transition from the imperial to Soviet state.

Keywords: autonomism; Provisional Siberian government; Alash-Orda; revolution; civil war; regionalism; the national question.

Введение

Исследование этого вопроса предполагает определенное «освобождение» от распространенного анализа проблем истории регионализма и автономизма начала прошлого века на основе взаимоотношений по вертикали: центр – регион, центральная власть – региональные акторы. В данном случае внимание сосредоточено на горизонтальном векторе отношений местных политических сил двух крупных регионов Российской империи в период ее распада и рождения советской государственности. На практике такие отношения были стимулированы центром власти, но в то же время оставались относительно независимыми от его политики, которая, конечно, формировала общий контекст взаимодействия сибирских и казахских автономистов. Система административно-территориального управления, образовательных и культурных учреждений способствовала росту межкультурных коммуникаций в многонациональном евразийском регионе. Многонациональный характер и огромность территории Российской империи порождали идеи федерализма и попытки ее реализации (децентрализация управления, широкое развитие местных нормативных и культурных институтов и др.), не предполагавшие сепаратизм. С дореволюционных времен и в 1917–1919 гг. сохранялась тесная связь казахских интеллектуалов с сибирскими областниками, обусловленная объективными причинами, политическим прагматизмом названных сил и динамикой внутренней эволюции каждой [1].

В истории взаимодействия сибирских и казахских автономистов можно выделить следующие этапы: 1) с начала XX века до 1917 г.; 2) революция 1917 г.; 3) во время Гражданской войны (1918 г.). Каждый этап отличается содержанием, формами и характером взаимодействия региональных движений. К тому же центр на каждом этапе менял местоположение, качество и степень влияния на оба движения, более того, оба на определенном этапе выступали с претензиями на роль регионального интегратора других сил.

На 1-м этапе преобладало интеллектуальное, научное сотрудничество, происходила кристаллизация основных идей программы областников и под их влиянием – казахских автономистов. Институционально оба движения практически не пересекались, если не считать научные структуры, в т.ч. поскольку пока не имели собственных организаций. При этом огромную роль сыграли межличностные контакты активистов и лидеров движений – в науке (этнография, история, экономика, социология) и журналистике, общественно-политической практике и дружеском общении. Оба движения выступали за введение земства на территории двух регионов, и Временное правительство в июне 1917 г. приняло решение о введении земства в Сибири и Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Тургайской и Уральской областях. Сближало оба движения и то, что они противопоставляли свои программы политике центра, добиваясь, прежде всего, легальными средствами демократизации управления и социального прогресса. На этом этапе оба движения воспринимали друг друга как единомышленников, были солидарны в принципиальных вопросах.

Обсуждение и результаты

В 1917 г., когда начался 2-й этап взаимодействия, их проекты стали приобретать больше отличий. Распад империи стимулировал появление разных вариантов региональной консолидации с отличиями в отношении к переустройству центра власти и внутренней самоорганизации. Оба по-прежнему отстаивали федерализацию России, но в каждом регионе начались бурные организационно-политические процессы. Хотя до конца 1917 г. казахские автономисты не спешили отрываться от сибирских коллег, предпочитая участвовать в съездах областников и входить в состав создаваемых региональных структур, в то же время параллельно шло создание национальной партии Алаш. В Сибири и Казахстане все более четкие организационно-политические контуры приобретают собственные центры, претендующие на местную власть и на новый характер отношений с будущей общероссийской властью [2].

Сибиряки, входившие в местные «областные союзы» и представлявшие в основном партию эсеров, сосредоточились на создании территориального самоуправления (областной думы как органа власти автономии и местных органов власти). В августе 1917 г. сибирская конференция общественных организаций в Томске приняла решение об автономном устройстве региона, а в октябре там же на 1-м Сибирском съезде был избран облсовет.

В июле 1917 г. 1-й всеказахский съезд высказался за демократическую республику в форме федерации с «областной территориально-национальной автономией» казахов [3]. Несмотря на отсутствие программы партии, уже летом повсеместно действовали казахские комитеты, ставшие и органами местного самоуправления, и партийными структурами. В качестве первых они вступали в коалиции с другими местными органами власти – как созданными инициативно весной, так и затем Временным правительством, в т.ч. в Омске. Вплоть до конца 1917 г. и те, и другие не решались объявить об автономии и размежеваться. Областники и лидеры Алаш допускали сочетание территориального и национального подходов к федерализации России и самой Сибири, предусматривая включение казахских земель в состав последней. Это показывают решения сибирского областного съезда 8–16 октября 1917 г. в Томске, где участвовали и 10 казахов (в т.ч. члены Алаш А.Н. Букейханов, А.А. Ермаков, Х.А. Габбасов, Р.М. Марсеков, С.Д. Дощанов, Е.И. Итбаев, А.Д. Сеитов), а также двух всеказахских съездов июля и декабря 1917 г.

9 октября выступил Ермаков: «В Сибири не было связи народов, каждая национальность жила своей жизнью, общие интересы не выявлялись, теперь же, когда мы призваны сами устраивать свою жизнь, должен быть конгломерат всех народностей, чтобы Сибирь мощно и сильно заговорила о своих нуждах на языке всех народов». Сторонники

автономии разбились на автономистов и федералистов, на признающих Сибирь в качестве единого региона и выступающих за его деление на несколько областей. Букейханов заявил: «Самоопределение мы хотим получить вместе с Сибирью». При этом он выступал за территориальную консолидацию казахских земель внутри сибирской автономии на основе их хозяйственной специфики. 14 октября в ходе обсуждения доклада экономической секции он предложил при создании трех районов в Сибири выделить в отдельный подрайон Тургайскую и Акмолинскую области и вообще всю степную часть Сибири. В дискуссии по поводу федерализма и автономизма он также высказался за межэтническую интеграцию в Сибири вне партийных ограничений: «Я смотрю на наши дебаты, как на дебаты вообще народов Сибири, и это дело не партийное, и мы должны стараться всех талантливых сибиряков собрать около этого дела».

16 октября делегаты приняли постановление «Областное устройство Сибири». Признавая единство Российской республики, документ требовал для ее частей «автономии национальной или территориальной». Интересы казахов были учтены. Съезд в соответствии с известными установками сибирских областников на национально-культурную автономию высказался за образование «экстерриториальных персонально-автономных союзов в составе Сибирской автономии, куда должна была войти территория на восток от Урала с включением всего Киргизского края при свободном волеизъявлении населяющего эти пределы населения». Сибирь имеет все права на автономию, и в пределах полномочий, определенных «центральным парламентом», вся полнота власти в регионе должна принадлежать Сибирской областной думе, «избранной на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права с соблюдением начал пропорционального представительства». Показательно, что в программе партии Алаш также говорилось о пропорциональном национальном представительстве в местном самоуправлении (земствах).

Как автономная единица Сибирь «имеет право передать часть принадлежащих ей законодательных полномочий отдельным областям и национальностям, занимающим отдельную территорию, если последние этого потребуют, превращаясь, таким образом, в федерацию, т.е. союз областей и национальностей». Нормативный акт сочетал национальный и территориальный подходы к федерализму, гарантировал национальным меньшинствам сохранение этнической самобытности в районах смешанного проживания и экстерриториалам. Предусматривалось дальнейшее совершенствование национально-государственных структур внутри региона путем постепенной трансформации их «в союз областей и национальностей».

Букейханов как наиболее опытный из алашевцев и их бесспорный лидер был осторожен в конкретных действиях и в отношениях с областниками предпочитал постепенные шаги от единства к выделению. Выступая в ноябре в Семипалатинске в связи с избирательной кампанией в Учредительное собрание, он подчеркнул, что в России проживают народы, говорящие на 105 языках. В этой ситуации не может быть одного закона, удовлетворяющего все народы: «Такой закон может издать для себя каждый отдельный народ только сам». Поэтому казахские депутаты должны отстаивать в Учредительном собрании идею автономии. Автономии могут основываться либо на единстве крови, либо территории, либо хозяйства. По его мнению, необходимо взять за основу «общность территории», а потому «казахам выгодно вхождение в Сибирскую автономию». Букейханов не отказывался от автономии как цели, но не считал возможным спешить с «отдельной казахской автономией» из-за недостатка управленческих кадров. А когда «достаточно подготовимся к управлению, тогда и будем требовать от Сибири автономию, задержки не будет», – подчеркивал он и ссылаясь на решения томского съезда, – «на Сибирском съезде это включено в программу». В Сибирской Думе казахи, отмечал он, вместе с другими народами, якутами, бурятами займут достойное место (Ермеков вошел в состав Сибирской областной думы правительства Западной Сибири, представляя интересы малых народов) [4].

Буквально в те же дни один из основоположников областничества Г.Н. Потанин, включенный летом 1917 г. в список кандидатов в члены Учредительного собрания алашевцами от Семипалатинской области, писал: «...киргизская программа исчерпывается вопросом о самоопределении». Он верно подметил реализм вождей киргизского народа, которые не решались на образование автономии. Вопрос об автономии, по его мнению, мог стать главным лишь после того, как «новые порядки в киргизском народе наладятся, ...

а киргизская интеллигенция достаточно увеличится». Этим объяснялось ее стремление войти в состав Сибирской автономии, как подготовительный этап на пути к государственности, преодолению культурной и политической отсталости народа. Оптимальной формой государственного устройства для них выступала не «родственная автономия, а автономия, привязанная к земле», обеспечивающая мирное сожительство разных народов. В ноябре он писал: «Казахское движение ничего не заключает в себе опасного для государства. Это здоровое национальное движение. Государству никакой опасности не предвидится в том, что казахи, в пределах своего народа, займутся развитием своих творческих сил» [5].

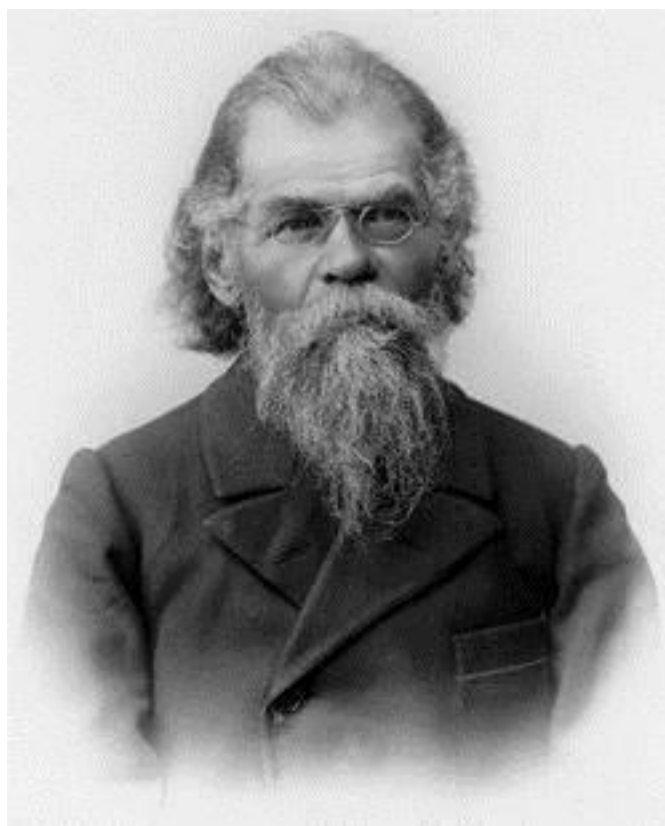

Рис. 1. Г.Н. Потанин (1835–1920)

Проект программы партии Алаш, опубликованный через неделю 21 ноября 1917 г., указывал: Россия должна быть демократической федеративной республикой с президентской формой правления и всеобщим избирательным правом, законодательная власть принадлежать Думе. «Автономия киргиз... входит в Российскую Федерацию наравне с другими народностями, ... существует равноправие, неприкосновенность личности и свобода слова, печати и союзов». «В первое время Казахская автономия может составить единое образование вместе с другими заинтересованными в этом народами, а если нет, то с самого начала может стать самостоятельной единицей». На 2-м всеказахском съезде Букейханов «горячо доказывал, что при современных условиях социальной жизни и состояния культуры и просвещения среди киргиз обособиться им политически и взять самостоятельный курс чисто автономного управления было бы нецелесообразно и неблагоприятно». При этом газета «Казах» вскоре указывала, «что является основой государственности»: «1) наличие отдельной территории, 2) наличие на ней населения, 3) власть, управляющая страной» [6]. Позже газета отмечала, что главной причиной отказа сразу провозгласить автономию была неопределенность ситуации в крае и положения в соседних регионах, что также подтверждает осмотрительность и реалистичность позиции националов.

Итак, на 2-м этапе взаимодействие двух автономистских сил развивалось в рамках выработки принципов федерализации России и определения своего места в будущем государстве. Областники, предпочитая национально-культурную автономию, все же шли

навстречу казахским лидерам при условии свободного самоопределения народа. Лидеры Алаш учитывали слабость политического и кадрового потенциала своего движения, сложность общей ситуации в стране и регионе, что подвигло их на временное пребывание в составе Сибирской автономии с прицелом на последующее выделение и вхождение как самостоятельного субъекта в состав Российской Федерации. Они не сомневались в демократическом характере полиэтничной Сибирской автономии и ее руководства, рассчитывая на возможность свободного «выхода» из нее. Таким образом, два соседних центра автономизма нашли компромисс и не конкурировали, рассчитывая на возможность демократического переустройства всей России и предполагая разные варианты собственных взаимоотношений.

С декабря 1917 и начала 1918 гг., когда соответственно создаются правительства автономий – Алаш-Орда и Временное Сибирское правительство, начинается 3-й этап взаимодействия – на новом уровне – правительственном и его местных органов. Потанин уже ушел в отставку с поста председателя Сибирского облсовета, да и в целом персональный состав сибирской власти изменился [7].

В этот период вполне отчетливо выделились основные направления взаимодействия двух сторон: 1) по поводу взаимного признания, приоритета распоряжений каждого правительства, их равноправия или соподчиненности; 2) по вопросам полномочий и предметов ведения местных структур обеих правительств; 3) по проблемам организации воинских подразделений и их подчиненности. По каждому из этих направлений взаимодействие было достаточно напряженным. Это объясняется совокупностью факторов, среди которых, конечно, общая военно-политическая ситуация, которая динамично развивалась, влияние и давление других политических сил (Комуч, Башкирская и Туркестанская автономии, казачьи правительства, прежде всего, Оренбургское), объективные трудности коммуникаций, внутренние проблемы. В нормативном плане обе силы опирались на собственные приоритеты: с 4 июля по 3 ноября 1918 г. действовала «Декларация о государственной самостоятельности Сибири». Алаш-Орда, созданная в декабре 1917 г., просуществовала до начала 1920 г., несмотря на решение Уфимского совещания сентября 1918 г. о роспуске всех областных правительств, имея на местах свои структуры.

Однако территориальные разломы Казахстана (запад, северо-восток с центром и юг) мешали единству действий, к тому же на западе до сентября 1918 г. существовал самопровозглашенный Уильский оляят, глава которого Ж. Досмухамедов даже провозгласил себя ханом. Серьезных организационно-политических ресурсов у алашординцев было немного, военного значения они также не имели. Поэтому вполне закономерно рассчитывали на союз с более сильными соседями, ориентированными на федерацию. Еще в январе 1918 г. алашординцы не предпринимали попыток перейти от декларации к делу. Сыр-Дарьинский казахский съезд высказался за оставление области в составе Туркестанской (Кокандской) автономии, возглавляемой представителем Алаш М. Тынышпаевым и другим видным казахским деятелем М. Чокаевым. Тогда же Семипалатинский обком Алаш совместно с земством и советом крестьянских депутатов признали Временное Сибирское правительство до провозглашения казахской автономии, хотя вскоре установление советской власти изменило ситуацию в крае [8].

В.И. Шишкин считает, что летом 1918 г. оба правительства, имея областной масштаб, для решения своих задач проявили взаимный интерес, особенно потому что в январе большевики разогнали Сибирскую областную думу и «отказались принять условия Алаш-Орды» [9]. Это не вполне верно: алашординцы добились компромисса на переговорах с В.И. Лениным и И.В. Сталиным весной 1918 г., и их сотрудничество было прервано летним антисоветским переворотом на юге Западной Сибири и на севере Казахстана, в т.ч. в Уральской и Семипалатинской областях, где алашординцы проявили себя наиболее организованно. На территории первой ими руководил ездивший на переговоры в Москву Ж. Досмухамедов, а в Семипалатинской находилось правительство автономии Алаш во главе с А. Букейхановым. Переход к союзу с антисоветскими силами, прежде всего, с Сибирским правительством, подтолкнул именно антибольшевистский переворот в регионе.

Временное Сибирское правительство во главе с П.В. Вологодским было поначалу в основном эсеровским и имело в своем составе министерство туземных дел во главе с

М.Б. Шатиловым. Но 30 июня его состав изменился, и оно стало более правым [10], что повлияло на взаимоотношения с казахской автономией. К тому же в Сибирском правительстве все большее влияние приобретал командующий армией и глава военного ведомства А.Н. Гришин-Алмазов, который довольно быстро склонился в сторону военной диктатуры. В итоге отношения с Алаш, чье правительство стремилось отстаивать принципы федерализма и равноправия с другими автономиями, приобретали все более напряженный характер. Сибиряки позиционировали себя в качестве центра, предполагая подчинение себе Алаш.

Рис. 2. А.Н. Гришин-Алмазов в штабе. 1918 г.

В июле были опубликованы «Основные положения о границах культурной автономии национальностей Сибири». В них право окончательного решения вопроса о территориально-политической автономии передавалось Всероссийскому Учредительному собранию. На этой основе правительство отказалось признавать «избранные некоторыми национальностями Комитеты (например, Алаш-Орда киргиз-кайсаков) органами национально-территориальной государственности». Оно выразило готовность предоставить народам Сибири «национально-культурную автономию, гарантирующую свободное развитие каждой отдельной национальности». Под этим подразумевались права на открытие учебных заведений и местных судов на родном языке, равноправие языков в местных органах власти районов со смешанным населением. Соответственно национальные органы власти признавались лишь как представительные по вопросам культурной автономии и местного самоуправления [11].

Алаш-Орда предприняла меры по установлению официальных отношений с Сибирским правительством, добиваясь, в конечном счете, признания автономии. 10 июля 1918 г. ее представитель при Западно-Сибирском комиссариате А. Ермеков передал в Совет Министров записку, где, приветствуя падение власти «насильников народа – большевиков в Сибири и прилегающих к ней Степных областях», Алаш-Орда призывала к единению для защиты завоеваний февральской революции, «давшей начало к политическому возрождению народов и окраин России». Со своей стороны она обещала оказывать всемерную поддержку Сибирскому правительству. Алаш-Орда предложила проект соглашения, по которому Сибирское правительство признавало национально-территориальную автономию Алаш в составе, определенном II всеказахским съездом, при установлении границ с учетом мнения населения приграничных областей. Признание Алаш-Орды центральным органом власти Казахстана, временно исполняющим функции государственной власти, влекло за собой исключительное подчинение ей всех наци-

ональных общественных организаций и учреждений без права вмешательства других властей в сферу ее компетенции.

До объявления автономии государственные и смешанные учреждения управления и самоуправления должны были подчиняться Временному Сибирскому правительству при обязательном участии в нем представителей Алаш-Орды; избранные в 1917 г. органы самоуправления также сохранялись. Кроме того, в проекте обосновывалась необходимость обеспечения правительством Сибири, которому подчинялись все финансовые учреждения на территории Алаш, займа Алаш-Орде и предлагалось созвать в ближайшее время конгресс депутатов автономных народов и окраин «с целью создания федеральной власти». Наиболее перспективной Алаш-Орда считала федерацию Сибири, Алаш, Башкирии и Туркестана [12]. 14 июля приветственную телеграмму областникам направил глава Алаш Букейханов, отметив в ней цель казахских автономистов – обеспечить спасение Отечества – России как федерации автономных областей [13], таким образом предполагая равное участие двух региональных сил в устройстве единого государства.

Рис. 3. Алашординцы. Семипалатинск. 1918 г. В первом ряду слева направо: Ж. Атикеев, Ж. Болганбаев, Т. Кунанбаев, А. Букейханов, Р. Марсеков

26 июля в Совет Министров Сибирского правительства поступила докладная записка Алаш-Орды. В ней содержалась краткая характеристика решений I и II всеказахских съездов, причин принятия решения об автономии, обосновывалась необходимость взаимной поддержки и тесного союза «в час смертельной опасности для родины и свободы». Алаш-Орда указывала, что затягивание предложенных ею переговоров привело к потере Уральской области и росту опасности распада автономии Алаш. Эта опасность «вынуждает Алаш-Орду решиться на крайние меры, отказаться от Союза с Сибирью, объявить автономию Алаш и спасти единение казак-киргизского народа, пожертвовав выгодами союза с Сибирью». Она считала, что признание автономии Алаш дало бы ей «возможность оттянуть Туркестан от немецкой ориентации, сохранить его в пределах Российской Федерации», таким образом, демонстрируя приверженность общероссийским интересам. Итак, Букейханов стремился организационно-политически укрепить единство своей автономии и подтолкнуть сибиряков к созданию равноправного союза.

На обсуждение Сибирского правительства предлагался проект соглашения о взаимном признании. В нем содержались приведенные выше пункты. Назначение на ответственные посты в автономии Алаш должно было согласовываться с Алаш-Ордой, которая также имела право специального обложения, сбора кибиточной подати в свою казну, организации

национальных судов и местных советов Алаш-Орды, ведающих национальными делами, не входящими в компетенцию земств и городских дум [14].

Записка обсуждалась в комиссии под председательством министра народного просвещения проф. В.В.Сапожникова 29, 30 июля и 2, 3 августа [15]. На заседании присутствовали представитель военного ведомства генерал В.Л. Попов, товарищ министра внутренних дел П.Д. Михайлов, представитель министерства земледелия и колонизации А.М. Ярмош, руководители Алаш-Орды А. Букейханов, А. Ермеков и Х. Тохтамышев. Пункт 1 о взаимном признании был снят с обсуждения. Предложения о порядке управления и деятельности органов Алаш-Орды, их правах сохранялись с небольшой редакцией. Вопрос о выделении займа из-за отсутствия в комиссии представителя министерства финансов Букейханову предлагалось адресовать непосредственно в это ведомство. Идея конгресса депутатов автономий была поддержана, но не подлежала включению в проект. Проблемы создания национальной армии Алаш было решено передать военному ведомству и Алаш-Орде для совместной переработки выдвинутых предложений.

Решение земельного вопроса в Семипалатинской, Акмолинской и Тургайской областях откладывалось до Всероссийского Учредительного собрания с сохранением существующего положения. При особом мнении по проекту остался А.М. Ярмош. Он указал на неопределенность «природы политического устройства киргизского народа и сущности государственно-правовых отношений его к российской государственности и автономной Сибири». Сохранение такой неопределенности, считал он, может вызвать взаимное обострение отношений. Необходимо установить хотя бы временные законодательные нормы вместо утративших силу законов о положении края в Российской империи [16].

Действительно, четкая правовая база под отношения двух автономий не была подведена, что обусловило продолжение и обострение конфликтов. Проект соглашения, подготовленный по инициативе Алаш-Орды, так и не обрел юридической силы. 9 августа Совет Министров заслушал доклад министра туземных дел М.Б. Шатилова об установлении временных взаимоотношений с Алаш-Ордой. В то же время фракция национальностей Сибирской думы, получив проект соглашения двух правительств, пригласила к участию в его обсуждении делегатов Алаш-Орды.

Общая неустойчивость военно-политической обстановки, острое соперничество в борьбе за власть в Сибири, между Временным Сибирским правительством и Комучем при наличии других областных правительств, также стремившихся упрочить свое влияние, амбиции правящих кругов Сибири и недоверие к активизировавшимся национальным движениям, реальная слабость политического, военного, материального и финансового положения Алаш-Орды – все эти факторы сыграли свою роль.

На результаты работы комиссии повлияло и заключение о проекте соглашения с Алаш-Ордой консультанта правительства К.Г. Дишлера. Он считал, что на подчиненной правительству территории признавать политическую автономию может лишь Сибирское учредительное собрание, а вне ее пределов – Всероссийское. В случае образования автономного государства с определенными органами и реальной силой Сибирское правительство при необходимости могло входить с ним во временные отношения, но не имело юридического права санкционировать такие образования за пределами своей территории и, тем более, содействовать их созданию. Проект соглашения Дишлер счел неудовлетворительным, так как несмотря на снятие с обсуждения вопроса о признании автономии он, тем не менее, фактически признавал ее. Недопустимость признания автономии Алаш подчеркивала и официальная «Сибирская речь» [17].

Семипалатинский облкомиссар областнической власти Крот в сентябре высказал мнение, что Алаш-Орда претендует на признание наравне с общими правительственными учреждениями и стремится проводить на деле идею и принципы автономии до решения Учредительного собрания. Деятельность наиболее влиятельных членов Алаш не отвечает главной задаче Сибирского правительства, и необходимо точно установить пределы компетенции и взаимоотношения Алаш-Орды с областными и общественными учреждениями. В противном случае многовластие не укрепит престиж и авторитет Сибири, указывал он [18].

В преддверии Государственного совещания в июле и августе в Челябинске состоялись два совещания представителей Комуча и Сибирского правительства. 26 августа совещание

признало полномочия областных и национальных правительств, причем среди них назывались как Алаш-Орда, так и национальное управление правительства Алаш-Орда. Вероятно, имелись в виду представители Алаш-Орды во главе с А. Букейхановым и Уильского Оляята во главе с Ж. Досмухамедовым. На совещаниях были также М. Чокаев, Х. Досмухамедов, И. Джайнаков, Джанкадамов. В первом пункте инструкции делегатам Временного Сибирского правительства на совещании строго предписывалось: «Не признавать правительство Алаш-Орды тюрко-татар, а только культурную автономию...» [19]. Сибирское правительство (как, впрочем, и Комуч) рассчитывало также подчинить себе Туркестан.

На государственном совещании в Уфе 12 сентября 1918 г. Букейханов так сформулировал свою позицию: «Те организации, от имени которых я выступаю, не являются представителями сепаратизма, а они мыслят, что они составляют часть единой России, что автономные области в концерте мировых держав не могут играть никакой роли, если бы они захотели создать какое-нибудь маленькое сепаратное государство. Мы едины с демократической федеративной республикой Россией, мы мыслим себя только частью единой России» [20].

Основные программные положения в национальной сфере нашли отражение в «Акте об образовании всероссийской верховной власти», принятом на Уфимском государственном совещании 23 сентября 1918 г. Его подписали и представители Алаш-Орды. Документ предусматривал «воссоединение отторгнутых, отпавших и разрозненных областей России», а также предоставление отдельным областям территориальной и национальной автономии, признание за экстерриториальными этносами права на культурно-национальное самоопределение на основе законов, принятых «полновластным Учредительным Собранием» [21].

Заклученный в Уфе компромисс был изначально весьма неустойчивым. К тому же у Директории отсутствовали прочный аппарат, необходимые финансы, официальные органы. Создаваемые ею министерства часто возглавлялись министрами продолжавшего работу Сибирского правительства, что вскоре сказалось на отношениях с Алаш. Работали и другие правительства, получившие в Уфе признание «права на широкую автономию, обусловленную как географическими, экономическими, так и этническими признаками», а также на культурно-национальное самоопределение.

При характеристике второго направления взаимодействия двух сил следует отметить, что 24 июня 1918 г. Алаш-Орда приняла ряд принципиальных решений об организации своей власти, отмене постановлений большевиков, возврате к демократическим установлениям Временного правительства весны–лета 1917 г., создании своих воинских частей и налоговых сборах в пользу автономии. При этом Букейханов рассчитывал на союз с областниками и башкирскими автономистами, что нашло отражение в его распоряжениях на места о сотрудничестве с Сибирским правительством [22]. Однако на деле сотрудничество складывалось сложно. На местах областниками была введена должность инструкторов-информаторов, которые занимались мобилизацией населения в армию, сбором налогов и «извлечением денег из деревни», агитируя крестьянство в поддержку новой власти. Сообщая в июле-августе о настроениях крестьян Семипалатинской области, инструктор В. Посельский указывал: они уверены, что «большевиков сбросили» алашординцы и казаки, что Сибирское правительство именно этими силами и сформировано. О влиянии Алаш-Орды говорил и тот факт, что попытка провести перевыборы земств по новой инструкции встретила решительное противодействие их руководителей. При этом указывалось, что местная казахская интеллигенция, возглавлявшая земства, при организации выборов учитывала преобладание казахского населения в области, стремясь предотвратить возникновение недоверия к земствам со стороны русского населения в случае преимущественно казахского состава избранных на пропорциональной основе.

Лидеры Алаш руководствовались проектом соглашения, надеясь на его утверждение в скором будущем. 4 сентября 1918 г. Алаш-Орда направила находившимся в Омске М. Тынышпаеву и А. Ермакову указание добиться назначения казаха на должность областного комиссара или его помощника, так как коренное население негативно относилось к распоряжениям органов власти, в которых не было его представителя. 5 сентября они обратились к М.Б. Шатилову с просьбой содействовать в этом и

рекомендовали от имени Алаш-Орды Б. Сарсенева. Шатилов обратился в МВД с поддержкой их инициативы. Кроме того, он просил предоставить Семипалатинскому совету Алаш-Орды право на бесплатную пересылку корреспонденции по телеграфу и почте в связи с тем, что он отчасти выполняет функции земства в культурно-просветительной сфере.

Рис. 4. М.Б. Шатилов

Первые успехи алашских отрядов в Семиречье, значительный авторитет интеллигенции, возглавлявшей движение Алаш, обеспечивали ей достаточно широкую поддержку в массах. Это стимулировало их «государственные» амбиции и приводило к дальнейшим столкновениям с омскими властями, все более ужесточавшими национальную политику. Имеется много фактов, показывающих, как сибиряки пытались руководствоваться «Положением об управлении Степного края» дофевральского периода. Его представители на местах и в Омске доказывали, что Алаш-Орда и ее структуры «по характеру своих функций не является органом государственной власти», всячески противодействовали «вмешательству в дела управления организации, непризнанной правительством». Это проявилось с запрете казахских судов, созданных при Временном правительстве, в прекращении бесплатной отправки корреспонденции Алаш-Орды, ликвидации земельных комитетов, тоже созданных Временным правительством. 17 сентября 1918 г. Сибирское правительство приняло решение «Об изъятии милиции из ведения органов самоуправления и передаче ее в ведомство МВД». В то же время треть расходов на ее содержание должны были нести земства, что тоже вызвало бурные протесты алашординцев. Уполномоченный командира отдельного Степного корпуса 11 октября приказал арестовать главу Акмолинского уездного совета Алаш-Орды Д. Избасарова, отказавшегося платить налоги в казну Сибирской автономии, на 3 месяца «за непризнание Временного Сибирского правительства».

В свою очередь, алашординцы заявляли, что казахский народ в случае непризнания Алаш-Орды правительственным органом не будет выполнять требования и распоряжения Сибирского правительства, и перестали передавать их на места; отказались признавать решение об упразднении земельных комитетов. Избасаров, к примеру, указывал, что Сибирское правительство «не имеет контроля над Алаш-Ордой» и они равноправны. С другой стороны, так как Комуч признал Алаш-Орду, последняя выступает как автономное

правительство до созыва Учредительного собрания. И. Омаров заявил о необязательности решений Сибирского правительства, другие алашординцы отказывались отправлять налоговые сборы в казну сибиряков. По поводу казахского суда Х. Габбасов и Б. Сарсенев обратились за помощью к уехавшим в Уфу А. Букейханову и М. Тынышпаеву. Но Алаш-Орде не удалось отстоять созданные ею судебные органы. 14 декабря 1918 г. приказом уполномоченного командира 2-го Степного Сибирского корпуса по охранению государственного порядка и общественного спокойствия в области они были упразднены.

Вдохновленные решением совещания в Уфе и достижением кажущегося согласия вокруг идеи Учредительного собрания, алашординцы надеялись, наконец, обрести реальный юридический статус и освободиться от «ига» сибиряков. 1 октября руководимые Габбасовым и Марсековым Семипалатинское уездное и областное земства заявили о полной поддержке Директории и ходатайствовали перед ней о признании полномочий действующего в соответствии с обычным правом и упраздненного Сибирским правительством казахского суда. Независимо от решения Директории, Алаш-Орда 22 октября утвердила решение о немедленном возобновлении его действий. Там, где казахские суды не функционировали, они должны были начать работу не позднее 1 января 1919 г. [23]

Но вскоре Директория упразднила все областные правительства, в том числе Алаш-Орду. Директория вместе с тем признавала необходимость учета бытовых и хозяйственных особенностей «казак-киргизских народностей» в организации управления и создания для этих целей в будущем представительного органа. Была учреждена должность Главноуполномоченного по управлению Алашем, ведавшего всеми делами, «касающимися культурно-бытовых и экономических нужд казак-киргизских народностей», и его помощников, с временным сохранением органов управления Алаш-Орды, подчиненных центральному ведомству. Создавалась также «особая комиссия по выработке положения об Алашском представительном органе и выборах в него». В состав этих органов вошли Букейханов и другие члены Алаш-Орды. Таким образом, деятельность всех национальных правительств жестко регламентировалась «центром».

Сибирский регионалистский проект после 1917 г. вошел в противоречие с национальными проектами, на реализации которых настаивали лидеры якутов, бурят и казахов. Несмотря на фактическое упразднение Сибирской автономии, после 18 ноября 1918 г. областники подключались к рассмотрению претензий Алаш-Орды, но главной их задачей стали попытки убедить Колчака в полезности собственного проекта. В целом вопрос о будущем национальностей России так и не был решен колчаковским правительством. Военно-политическое поражение белых сделало бессмысленными все планы и проекты, так скрупулезно составленные и обсуждавшиеся в различных бюрократических инстанциях.

Выводы

В истории взаимодействия сибирских областников и алашординцев расхождения и затем конфликты проявляются и нарастают от 2-го этапа к 3-му, когда в составе Временного Сибирского правительства возобладали деятели, нацеленные на военно-политическое подчинение соседних регионов, в т.ч. областей Казахстана, где шли военные действия. Алашординцы попытались найти компромисс с новым общероссийским центром в лице СНК РСФСР, но свержение советской власти на местах нивелировало достигнутые договоренности. Общероссийский большевистский центр временно перестал играть роль в отношениях региональных игроков от Поволжья до Сибири и Казахстана включительно. Автономия Алаш нацеливается на равноправное сотрудничество с другими самопровозглашенными автономиями, среди которых Комуч и Сибирское правительство были наиболее конкурентоспособными в борьбе за право присвоить себе функции центра. При этом Комуч представлял демократически избранных депутатов Всероссийского Учредительного собрания и поддерживал федералистский проект России, тогда как областники отдавали предпочтение национально-культурной автономии и объективно не могли рассчитывать на всероссийское признание.

Алашская автономия стремилась всячески продемонстрировать самостоятельность, отстоять свою правосубъектность и равноправные отношения с областниками, апеллируя к будущей общероссийской власти. К тому же следует подчеркнуть, что в отличие от

областников, явно принявших политический крен вправо, Букейханов рассматривал взаимоотношения с ними в широком контексте евразийского сотрудничества Казахстана, Башкирии, Туркестана и Сибири как будущих субъектов Российской демократической федерации.

В силу объективных обстоятельств, а также принципиального значения, которое алашординцы изначально придавали земствам (более того, в апреле 1918 г. они добились согласия Ленина и Сталина на создание местных органов власти именно на основе земств), члены алашординских комитетов зачастую одновременно не только избирались в земства с июня 1917 г., но и входили в их управы, возглавляли их. Эти общественные по своей природе институты в данный период становились органами власти на местах, и по составу были многонациональными. В силу зависимости от управленческих структур Временного Сибирского правительства, Комуча, казачьих правительств, а затем подчинившего все эти силы правительства А.В. Колчака алашординские управленцы должны были активно участвовать и в организации их деятельности на местах. Это взаимодействие характеризовалось перманентными конфликтами по поводу компетенций и полномочий алашординских органов управления, которые не признавались антисоветскими структурами.

Традиционные болячки общегосударственной системы – ведомственная разобщенность, военно-бюрократические методы управления, отсутствие планомерности в действиях местных и центральных властей – стали дополняться отягощениями гражданской войны и противоборством амбициозных деятелей. Сибирское правительство не могло не учитывать исторические границы расселения казахов, но совместить их с потребностями эффективного политического управления и экономического районирования при наличии властных структур и руководителей Алашской автономии не сумело. Оно действовало в отношении Алаш-Орды, как бы примеряя на себя функции центральной власти и предлагая ей лишь практически неосуществимую в тех условиях культурную автономию, что заведомо не могло быть воспринято конструктивно со стороны казахских автономистов с их претензией на политическое самоопределение, уже поддержанное большевиками в начале 1918 г.

Сибиряки исходили из непризнания центром большевистской власти, претендуя на усиление своего статуса как межрегионального интегратора, но осенью 1918 г. потеряли инструменты влияния. Алаш-Орда, наоборот, несмотря на отсутствие формального признания, не только успешно провела переговоры с Лениным и Сталиным (апрель 1918 г.), но своей активностью заставила Временное Сибирское правительство, Комуч, Директорию и затем правительство Колчака (а потом вновь СНК РСФСР) взаимодействовать с ней, как субъектом политического пространства.

Конфликты между Алаш-Ордой и Сибирским правительством с его представителями на местах, имеющие локальный или даже микроскопический характер в масштабах России, объективно отражали никуда не исчезнувшую потребность в административной централизации и унификации крупных регионов, их экономической и коммуникационной интеграции. С другой стороны, столь же отчетливо отражались противоречия в разделении компетенций и полномочий, нуждающиеся в тонкой настройке для обеспечения устойчивости территориальной и политической организации полиэтничного государства, а также плюрализм реальных способов функционирования территорий и их активистов в рамках государства, которое восстанавливало свою целостность. В границах распавшейся и собирающейся сызнова империи в 1917–1918 гг., на основе региональных структур, зарождались федералистские проекты, которые стремились утвердиться как общероссийские. В условиях революции и войны гармонизации этого комплекса взаимосвязей достичь было практически невозможно.

Примечания:

1. Подробнее см.: Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. М., 1994. 216 с.
2. В.И. Шишкин отмечает, что оба правительства возникли «снизу» - по инициативе местной общественности и почти одновременно. Однако он неправ, считая, что Алаш-Орда «сошла с исторической арены» в начале ноября 1918 г. после прихода к власти А.В. Колчака // Шишкин В.И. Взаимоотношения Алаш-Орды и Временного Сибирского правительства //

Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2011. Т. 96. № 4. С.111, 110. На деле с правительством Колчака Алаш-Орда вела переговоры еще и в 1919 г., а прекратила фактическое существование в начале 1920 г.

3. Алаш-Орда. Сб. документов / Сост. Н.Мартыненко. Кызыл-Орда, 1929. С. 34–35, 38, 39–40.

4. Сибирская жизнь (Томск). 1917. 8, 11, 17, 21 октября.

5. Потанин Г.Н. Киргизы после переворота // Сибирская жизнь. 1917. 14 ноября.

6. Казахстанская правда. 1989. 19 июля.

7. О перипетиях внутривосточной борьбы в автономной Сибири см.: Журавлев В.В. Рождение Временного Сибирского Правительства: из истории политической борьбы в лагере контрреволюции // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001 г.; Межвуз. сб. науч. тр. Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2001. С. 26–47.

8. Государственный архив Семипалатинской области (далее – ГАСО). Ф. 44. Оп. 1. Д. 8. Л. 4,8; Д. 3. Л. 2,7,11; Ф. 133. Оп. 1. Д. 1. Л. 110; Ф. 37. Оп. 1. Д. 1. Л. 72.

9. Шишкин В.И. Взаимоотношения Алаш-Орды и Временного Сибирского правительства. С. 111.

10. Шишкин В.И. Командующий сибирской армией А.Н. Гришин-Алмазов: штрихи к портрету // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918–1919 гг.). Сб. науч. ст. Новосибирск, 2009. С. 126–195. URL: <http://zaimka.ru/shishkin-grishin-almazov/> (дата обращения: 2.03.2013).

11. Государственный архив РФ (далее – ГА РФ). Ф. 193. Оп. 1. Д. 8. Л. 1 и об.

12. ГА РФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 8. Л. 26 и об.

13. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 39. Л. 84.

14. Алаш-Орда. С. 107–108.

15. Шишкин почему-то утверждает, что проект Алаш-Орды не обсуждался, что якобы вызвало беспокойство последней за свой авторитет и политическое недоверие сибиряков, а затем все же описывает дискуссии конца июля – начала августа. См.: Шишкин В.И. Взаимоотношения Алаш-Орды и Временного Сибирского правительства. С.116, 117–119. Более объективное изложение событий дает другой автор: Селиверстов С.В. Алаш и Сибирь в 1918–1919 гг.: позиция А.Букейханова и тенденция региональных отношений // Мир Евразии. Горно-Алтайск, 2008. № 1. С. 22-27.

16. Алаш-Орда. С. 108–111.

17. ГА РФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 8. Л. 33 и 34 об.

18. ГА РФ. Ф. 1701. Оп. 1. Д. 6в. Л. 13,14–15,16–18 и об.

19. Вестник Комитета членов Учредительного собрания. № 39, 41. 1918. 24, 26 августа.

20. ГА РФ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 1. Л. 30.

21. История «белой» Сибири. Тезисы науч. конф. Кемерово, 1995. С. 166–167.

22. Алаш-Орда. С. 108–112.

23. Сибирский вестник. № 36. 1918. 3 ноября.

References:

1. Podrobnее sm.: Amanzholova D.A. Kazahskij avtonomizm i Rossiya. M., 1994. 216 s.

2. V.I. SHishkin otmechaet, chto oba pravitel'stva vznikli «snizu» - po iniciative mestnoj obshchestvennosti i pochti odnovremenno. Odnako on neprav, schitaya, chto Alash-Orda «soshla s istoricheskoy areny» v nachale noyabrya 1918 g. posle prihoda k vlasti A.V. Kolchaka // SHishkin V.I. Vzaimootnosheniya Alash-Ordy i Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki. 2011. T. 96. № 4. S.111, 110. Na dele s pravitel'stvom Kolchaka Alash-Orda vela peregovory eshche i v 1919 g., a prekratila fakticheskoe sushchestvovanie v nachale 1920 g.

3. Alash-Orda. Sb.dokumentov / Sost. N.Martynenko. Kzyl-Orda, 1929. S. 34–35, 38, 39–40.

4. Sibirskaya zhizn' (Tomsk). 1917. 8, 11, 17, 21 oktyabrya.

5. Potanin G.N. Kirgizy posle perevorota // Sibirskaya zhizn'. 1917. 14 noyabrya.

6. Kazhastanskaya pravda. 1989. 19 iyulya.

7. O peripetiyah vnutripoliticheskoy bor'by v avtonomnoj Sibiri sm.: Zhuravlev V.V. Rozhdenie Vremennogo Sibirskogo Pravitel'stva: iz istorii politicheskoy bor'by v lagere

kontrrevolyucii // Grazhdanskaya vojna na vostoке Rossii. Problemy istorii: Bahrushinskie chteniya 2001 g.; Mezhevuz. sb. nauch. tr. Novosib. gos. un-t. Novosibirsk, 2001. С. 26–47

8. Gosudarstvennyj arhiv Semipalatinskoj oblasti (dalee – GASO). F. 44. Op. 1. D. 8. L. 4, 8; D. 3. L. 2, 7, 11; F. 133. Op. 1. D. 1. L. 110; F. 37. Op. 1. D. 1. L. 72.

9. SHishkin V.I. Vzaimootnosheniya Alash-Ordy i Vremennogo Sibir-skogo pravitel'stva. S. 111.

10. SHishkin V.I. Komanduyushchij sibirskoj armiej A.N. Grishin-Almazov: shtrihi k portretu // Kontrrevolyuciya na vostoке Rossii v period grazhdanskoj vojny (1918–1919 gg.). Sb. nauch. st. Novosibirsk, 2009. С. 126–195. URL: <http://zaimka.ru/shishkin-grishin-almazov/> (data obrashcheniya: 2.03.2013).

11. Gosudarstvennyj arhiv RF (dalee – GA RF). F. 193. Op. 1. D. 8. L. 1 i ob.

12. GA RF. F. 193. Op. 1. D. 8. L. 26 i ob.

13. Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti (dalee – GATO). F. R-72. Op. 1. D. 39. L. 84.

14. Alash-Orda. S. 107–108.

15. SHishkin pochemu-to utverzhaet, chto proekt Alash-Ordy ne obsuzh-dalsya, chto yakoby vyzvalo bespokojstvo poslednej za svoj avtoritet i politicheskoe nedoverie sibiryakov, a zatem vse zhe opisyyaet diskussii konca iyulya – nachala avgusta. Sm.: SHishkin V.I. Vzaimootnosheniya Alash-Ordy i Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva. S.116, 117–119. Bolee ob"ektivnoe izlozhenie sobytij daet drugoj avtor: Seliverstov S.V. Alash i Sibir' v 1918–1919 gg.: poziciya A.Bukejhanova i tendenciya regional'nyh otnoshenij // Mir Evrazii. Gorno-Altajsk, 2008. № 1. S.22-27.

16. Alash-Orda. S. 108–111.

17. GA RF. F. 193. Op. 1. D. 8. L. 33 i 34 ob.

18. GA RF. F. 1701. Op. 1. D. 6v. L. 13,14–15,16–18 i ob.

19. Vestnik Komiteta chlenov Uchreditel'nogo sobraniya. № 39,41. 1918. 24,26 avgusta.

20. GA RF. F. 670. Op. 1. D. 1. L. 30.

21. Istoriya «beloj» Sibiri. Tezisy nauch. konf. Kemerovo, 1995. S. 166–167.

22. Alash-Orda. S. 108–112.

23. Sibirskij vestnik. № 36. 1918. 3 noyabrya.

УДК 94(571+574)

Из истории взаимодействия Временного Сибирского правительства и Алаш-Орды

Дина Ахметжановна Аманжолова

Институт российской истории РАН, Российская Федерация

117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19

Доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник

E-mail: amanzholova19@mail.ru

Аннотация. В статье освещаются основные направления и анализируются проблемы взаимодействия автономистских сил – сибирского областничества и казахского движения Алаш – в период их организационно-политического оформления и противоборства участников гражданской войны на стыке крупных регионов. Это позволяет выявить некоторые важные аспекты апробации разных проектов федерализации России в условиях перехода от имперской государственности к советской.

Ключевые слова: автономиз; Временное Сибирское правительство; Алаш-Орда; революция; гражданская война; регионализм; национальный вопрос.